

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboinikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)*

...Осмелюсь утверждать, человек, изучающий только Францию, никогда ничего не поймет во французской революции.

А. Токвиль

В XIX столетии колонизация земель определяла развитие России и США. «История России, – утверждал В.О. Ключевский – есть история страны, которая колонизируется»¹. О том же писал в конце позапрошлого века Ф. Тернер: «Вплоть до наших дней американская история представляет в большей степени историю колонизации великого Канада»². Он предложил сравнить освоение Запада с тем же процессом в других странах, назвав первой Россию. Во второй половине XIX в. появилось несколько работ на эту тему³, но сравнение с другой колонизацией – редко, хотя позволяет иначе взглянуть на колонизацию в обеих странах⁴. В отечественной историографии специально не исследовалась и тема освоения Запада.

Цель настоящей статьи – выяснить сходство и различие в историческом опыте колонизации двух стран на примере Сибири и американского Запада во второй половине XIX в. Под колонизацией имеется в виду освоение земель, в отличие от экспансии – завоевания территорий. Понятие «Запада» в США менялось по мере освоения континента, поэтому в Америке есть несколько «Западов»: Средний Запад, Северо-Запад, Юго-Запад, Дальний Запад. В данной работе речь идет о территории западнее реки Миссисипи. В него входят 11 штатов: три тихоокеанских (Калифорния, Вашингтон, Орегон) и восемь горных (Монтана, Айдахо, Вайоминг, Колорадо, Нью Мехико, Аризона, Юта и Невада).

Запад и Сибирь стали национальными символами двух стран. Иными оба народа связывали свои представления о земле обетован-

*Статья представляет собой часть главы из будущей книги автора «Россия и США: сравнение систем».

ной. Американцы стремились реализовать на Западе национальную мечту о равных возможностях для каждого (знаменитая фраза “Go West, young man” журналиста Дж. Соула). В Сибири видело в точник богатства для всей страны (“Богатство России Сибирью прорастет будет”, – заявил Ломоносов), среди крестьян с XIX в. была вала легенда о “сибирском приволье”, о Беловодье – месте свободной и благополучной жизни. Правда, у Сибири есть и другой образ каторги и ссылки.

Сравнение Сибири с Соединенными Штатами было популярно в России. С открытием золота ей сулили будущее Калифорнии. Члены кружка сибирского землячества в Петербурге в 60-е годы XIX в. рассматривали Сибирь как колонию и призывали к ее отделению от России по примеру США, за что были осуждены на каторгу. Сибиряки называли “наши Соединенные Штаты”, а сибиряки изучали американский опыт освоения Запада.

В колонизации Сибири и американского Запада второй половины XIX в. можно найти немало сходных черт. Для обоих регионов характерна массовая миграция с участием миллионов людей. Колонизация Сибири, начавшаяся на 250 лет раньше Запада, прошла уже этапы, что и Запад, описанные Ф. Тернером: сначала пушной промысел, потом добыча полезных ископаемых, следующий этап – сельскохозяйственное освоение, позднее – индустриализация и урбанизация. Отсюда сходные потоки переселенцев: следом за охотниками и торговцами пушнинаой шли разведчики недр, купцы и предприниматели, за ними – земледельцы (крестьяне, фермеры), кому и принадлежала главная заслуга в освоении земель. Опыт Сибири подтверждает тезис Тернера о большей свободе общества “границы” по сравнению с остальной территорией страны. Социальные и отрицательные последствия: истребление местного населения, его зависимость от колонизаторов, вымирание; уничтожение флоры и фауны.

Однако, несмотря на внешнее сходство процессов, российская и американская колонизация представляли два разных типа освоения и за общими чертами кроется качественно различное содержание, поскольку разными были общества, эти колонизации предпринимавшие. Поэтому так различны результаты: Запад США был в основном освоен к началу XX в., Сибирь не освоена до сих пор, так и оставшись по преимуществу поставщиком сырья. Конечно, направились в возражение: освоению Сибири препятствовали ее громадные пространства, превосходящие всю территорию США, и климатические условия, ведь основная ее часть (север Западной Сибири и почти вся Восточная Сибирь) – зона вечной мерзлоты. Но и большая часть Запада, кроме небольших участков Калифорнии, Орегона и Вашингтона, – это засушливые земли, пустыни и горы. Оба регио-

нужна для освоения, поэтому потребовалось вмешательство государства.

Отличен и состав мигрантов: в США – это свободные люди, по собственной воле, отправившиеся на Запад, чтобы стать независимыми землевладельцами. В Сибирь бежали от крепостничества, проклятия государства, была также значительной принудительная миграция – ссылки. Только после отмены крепостного права, особенно в 1880-е годы XIX в., началось массовое переселение крестьян. За 300 лет владения нашего Сибирью, – писал П.А. Столыпин после поездки в регион, – в ней набралось всего 4,5 млн русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло 3 млн”⁵. Но российская миграция относительно невелика: даже в годы пика (1908 – 650 тыс.) она составляла не более 0,6–0,7% всего аграрного населения страны⁶. Запад заселялся динамичнее. Если население Сибири за полвека (1850–1897 гг.) выросло более чем в два раза (с 2,7 млн чел. до 3,8 млн), то американского Запада (1850–1900 гг.) – в 22 раза (с 1,79 тыс. чел. до 4 млн)⁷. Помимо американцев на Запад ехали иммигранты (из скандинавских стран, Германии, Центральной и Восточной Европы), составлявшие до 1/3 переселенцев. В Северной Дакоте в 1890 г. 44,5% населения было иностранного происхождения⁸.

Почти в одно время открыто золото: в 1846 г. на р. Лене в районе Бодайбо, в 1848 г. – в Калифорнии недалеко от Сакраменто, однако последствия оказались различны. “Золотая лихорадка” вызвала первую массовую волну переселенцев на Дальний Запад, стимулировав освоение региона. С весны 1848 г. люди из Сан-Франциско и окрестностей ушли в горы, занявшись старательством. Уже к концу года в горах трудилось 8–10 тыс. старателей, а в пик “золотой лихорадки”, 1852 г., их было 100 тыс. Из небольшого поселка Сан-Франциско превратился в самый крупный город Дальнего Запада, столицу северной Калифорнии, войдя в 1870 г. в десятку ведущих американских городов, население всей Калифорнии выросло за 1850–1900 гг. в 10 раз.

Открытие золота преобразило штат, возникло много городов, возросло число богачей. То же происходило и в других штатах: Колорадо, Неваде, где с открытием в 1859 г. серебра появился г. Вирдживилл с пятью газетами, роскошными особняками нуворишей, театрами, собственной оперой и даже шекспировским театром.

Однако романтический период пионеров-старателей, описанный в произведениях Ф. Брет Гарта, оказался коротким. Уже в 50-е годы их вытеснили акционерные компании, так как золотодобыча велась с применением механизации и современных технологий. К началу XX в. отрасль оказалась под контролем крупных корпораций, которым принадлежало 90% добычи металлов⁹. Почти все жители штата, как и всей страны, играли на бирже, вкладывая деньги в акции

приисков, о чем рассказал М. Твен в книге “Налегке”. Благодаря Калифорнии начали подниматься соседние штаты Невада, Орегон, Айдахо и Аризона.

В Сибири горное дело стало вытеснять пушной промысел XVIII в. Его центры – Алтайский и Нерчинский край. Заводы по плавке серебра, меди, свинца, основанные в 1720-х годы Демидовыми на Алтае, в 1747 г., перешли к “кабинету его величества”, т.е. к личному владению императора. К ним приписали 137 тыс. душ крепостных. Вместе с сереброплавильным заводом вырос город Барнаул, ставший, правда, процветающим, подобно Сан-Франциско, хотя алтайские заводы в 1860 г. давали 96% выплавки серебра и 80% свинца России¹⁰. Он был казенным городом с крепостным трудом. Только рядом с казармами и бедными крестьянскими избами появились богатые дома горных инженеров и чиновников – небольшой “улицок Петербурга”, как они говорили.

В Нерчинском крае серебро добывали трудом каторжников. Почти все заводы также принадлежали “кабинету”. Американский путешественник Джордж Кеннан, побывавший там в 1880-е годы, был поражен неэффективностью производства, воровством чиновников. “Рудники наполовину не работают; сотни каторжников лежат в безделье месяц за месяцем в грязных переполненных камерах”, – писал он¹¹. Энергичный американец, заключил Кеннан, с капиталом в 10–15 тыс. долл. и с 950 заключенными, которые в ту пору там использовались, менее чем через два года построил бы новую тюрьму на каждом руднике и через пять лет удвоил бы, если не учитывать, производственную мощность приисков, не требуя ни доллара от имперской казны¹².

В Бодайбо с открытием золота возник крупный центр золотодобычи, куда устремились капиталы и население. Однако золотая горячка, как сообщает знаток Сибири Н. Ядринцев, стала “промышленной чумой”, поскольку были забыты земледелие и производство. “Золотопромышленность прошла мертвящим ураганом по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олекме, за Байкалом и на Амуре... В сибирских городах золотопромышленность не оставила никаких заметных памятников, не оставила и следа благосостояния в местном крестьянстве”¹³. Открытие золота в Сибири не привело ни к массовой миграции, ни к процветанию городов. Бодайбо и Нерчинск остались захолустными поселками.

С отменой крепостного права отрасль, лишившись даровой рабочей силы, оказалась неприбыльной, государство продало часть рудников акционерным компаниям. Ленские прииски, помимо государства, принадлежали семи крупным компаниям, захватившим 80% золотодобычи. Самой мощной среди них было Ленское золотопро-

товарищество (Лензото). Из-за тяжелых условий жизни рабочие прииски называли “вольной каторгой”. Работали по 16–18 часов в ледяной воде. У рабочих отбирали паспорт, имя заменял номер расчетной книжки. Расчет производился один раз в год, зато каждый день бесплатно давали 1/4 литра водки. Большинство рабочих – молодые люди, не выдерживали больше года. В 1880 г. 38% рабочих составляли ссыльные¹⁴. До 1917 г. на приисках преобладал ручной труд. Американские инженеры, которые по заданию Лензото товарищества вели в начале XX в. разведку новых золотonosных мест, были удивлены отсутствием механизации и безуспешно пытались убедить своих коллег в ее необходимости.

На примере горного дела видны два разных типа освоения: интенсивный на американском Западе, основанный на механизации, капиталом и экстенсивный в Сибири, где в рудниках использовался ручной труд, сначала крепостных и ссыльных, а затем наемный. Если открытие золота и других полезных ископаемых способствовало быстрому освоению Запада, процветанию региона и его жителей, то разработка сибирских недр не прибавила богатства ни населению, ни краю, ее плоды растворились в государственной казне и карманах чиновников.

Те же процессы характерны и для сельскохозяйственного развития Сибири и Запада. История последнего – это пример интенсивного освоения земель с использованием механизации, современных методов агрономии.

Быстрее всех на Западе стадию “границы” прошла Калифорния (с 1870–1880 гг.). Она поднялась на “золотой лихорадке”, горном деле, но ее расцвет связан именно с аграрным хозяйством, чему немало способствовал благоприятный климат. Стремительно росло число ферм (только за 50-е годы в 20 раз), площадь культивируемой земли и сельскохозяйственное производство. Стоимость фермерской продукции за 1870–1900 гг. увеличилась более чем в 2,5 раза¹⁵. Калифорния стала полностью снабжать себя зерном, которое раньше импортировала, и заняла второе место в США по производству пшеницы¹⁶. Она быстро перешла к механизации, став лидером в использовании комбайнов. К началу XX в. штат окончательно принял современную специализацию с преобладанием незерновых культур (фрукты, овощи, орехи), уровень его коммерциализации был выше, чем по всем штатам страны¹⁷.

До 1860 г. американцы проходили мимо Великих равнин, или, как их тогда называли, Великой американской пустыни, устремляясь в Калифорнию и Орегон. Ровная степь с частыми засухами и недостатком воды не привлекала взора переселенцев. “На сотни миль здесь тянется пустынная голая земля, без единого дерева, – только холмики и ее сородич – солянка...” – писал М. Твен, в молодости про-

езжавший через этот край¹⁸. Единственное поселение в ту пору — город мормонов Солт-Лейк-Сити в Юте. Земледелие стало возможным здесь только с применением в последней трети XIX в. новых и особых методов агрономии и орошения. С 50-х годов в западных штатах начала распространяться ирригация, лидерство в ней принадлежало Калифорнии¹⁹. Создание ирригационных систем потребовало кооперации независимых переселенцев, а также участия государства.

К началу XX в. фермеры западных штатов приспособились к новым природным условиям, перейдя к коммерческому хозяйству. За 1850–1900 гг. число ферм выросло более чем в 30 раз, а стоимость фермерской продукции только за 1870–1900 гг. — почти в пять раз. Эти достижения Запада объясняются в первую очередь свободной колонизацией земель, частной собственностью на землю, что оказалось наиболее эффективным способом освоения, поскольку стимулировалась частная инициатива. Переселенцы затратили огромные усилия и тяжелый труд, чтобы поднять целину, но они работали за себя, поэтому добились успеха. Механизация, современные технологии ускорили процесс.

Освоению Сибири способствовало массовое переселение крестьян, начавшееся с 80-х годов. Только за 1907–1911 гг. посевная площадь Западной Сибири увеличилась на 52%. Перед Первой мировой войной половина зерна, полученного на освоенных землях, была товарной²¹. К 1911 г. вывоз хлеба увеличился по сравнению с концом 90-х годов в пять раз, масла — в 12 раз²². В начале XX в. Сибирь стала превращаться не только в крупного поставщика сельскохозяйственных продуктов, но и во внушительный рынок для отечественной и иностранной сельскохозяйственной техники, опережая по ее стоимости Европейскую Россию; причем уборочные машины специально выписывали из Америки. В 1913 г. Сибирь давала более 10% пшеницы, ей принадлежало 10% посевов России²³.

Однако переселение крестьян все-таки не решило ни проблемы освоения Сибири, ни аграрный вопрос всей России, что вынуждено был признать Столыпин: «Как ни заманчива мысль воспользоваться переселением для разрешения земельных вопросов в Европейской России, но от этой мечты необходимо отказаться»²⁴. Переселение, полагал он, могло повлиять на освоение Сибири, если бы в нем участвовало до нескольких миллионов человек в год, но это ослабило бы западную часть России. Аграрный вопрос в России заключался не столько в недостатке земли, сколько в кризисе экстенсивного сельского хозяйства, приведшем страну к системному коллапсу. Освоение же Сибири сдерживалось отсутствием частной собственности на землю, узостью внутреннего рынка, неразвитостью дорог и городов. «Сибирь задыхается под тюком плодов своих за неимением сбыта,

современник. – Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали куда деть урожай и пропивали по возу хлеба около кабаков”²⁵.

Важная роль в колонизации американского Запада и Сибири принадлежала железным дорогам. Первая трансконтинентальная дорога в США была построена в 1869 г., а к концу XIX в. в стране существовали уже пять таких дорог, благодаря чему тысячи поселенцев устремились к тихоокеанскому побережью. Железная дорога оказалась порой до переселенцев, стимулируя миграцию и быстрый переход хозяйств к рынку. Единственная трансконтинентальная железная дорога России Транссиб вступила в строй в начале XX в. В отличие от частных американских дорог принадлежала государству. Ее главная цель была не экономическая, а политическая – укрепление позиций России на Дальнем Востоке. Дорогу рассматривали как орудие российской экспансии в этом регионе, освоение же Сибири было на втором месте. Уже в конце 90-х годов XIX в. она не справлялась с грузовым потоком хлеба, и он ждал своей очереди по следующему сезону²⁶.

* * *

Новое влияние американского Запада, как заметил А. Тойнби, оказало “варваризирующее” влияние на поселенцев²⁷. Человека Запада, впервые изображенного в художественной литературе США в конце XIX в., один из критиков назвал “англосаксом, вновь впавшим в пошлость”²⁸. Этот процесс, характерный и для россиян, описали Ф. Гернер и В.Г. Короленко. “Дикость захватывает колониста... европейски одетого, вооруженного промышленными средствами, европейски мыслящего. Из железнодорожного вагона она пересаживает его в берестяное каноэ. Она снимает с него цивилизованные одежды и облекает в охотничью куртку и мокасины. Жилищем его становится бревенчатая хижина чироки и ирокезов с традиционным индейским палисадом. Он уже по-индейски возделывает землю и выращивает кукурузу, осваивает воинственные выкрики и не хуже индейца снимает скальпы с врагов. Короче говоря, среда на границе диктовала свои условия. Человек должен был принять их или погибнуть... Постепенно поселенец преобразует окружающую его пустыню; но в результате перестает быть европейцем,... появляется новый тип – американец”²⁹.

...Пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, – писал в рассказе “Сон Макара” В.Г. Короленко, сосланный в 80-е годы в Якутию, – жили се огнем, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали. ... Макара... иногда ругал других “погаными якутами”, хотя,

правду сказать, сам не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни. По-русски он говорил мало и довольно плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах “торбаса”, питался в обыкновенное время одною лепешкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топленого масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Манра засевшую хворь»³⁰.

В представленных отрывках видно не только сходство, но и различие. Американцы, осваивая Запад, “впали в полудикость”, русские “объякутились”, “обурятились”, из-за недостатка женщин брались за жены местных. В результате ассимиляции пришлого русского населения с аборигенами, что наиболее характерно для Восточной Сибири, последние преобладали, появился особый тип русского – сибиряк-крестьянин. У него черные или темные волосы и глаза, более смуглый цвет кожи, более широкие скулы, узкий разрез глаз. Чистый русский тип сохранился только у староверов южного Алтая и Забайкалья, в допуская смешанных браков³¹. Русские перенимали у аборигенов формы хозяйства, одежду, нравы, забывали свой язык, обращались к язычеству, полигамии, шаманизму. Забайкальские казаки перешли от земледелия к скотоводству, пушному промыслу, заимствовав у бурят методы приучения лошадей, правила винокурения и пр. Женщины шли по примеру буряток “яргачи” – козлиные и тарбаганы шубы. В Верхотенском крае русские ели ту же пищу, что и буряты, без вилки и ножей, из деревянных чашек³². Г. Успенский, совершивший поездку в Сибирь в 1888 г., чтобы познакомиться с жизнью переселенцев, с удивлением наблюдал в Тобольске, как сургутский торговец управлял в рот сырую, еще живую стерлядь, только что купленную на рынке, со словами: “Сейчас, сейчас обогрею тебя, голубушка. Не уронишь! Будешь в теплом месте!”³³

Так завоеванные русскими якуты и буряты мирно, без войны, в три столетия победили колонизаторов, что свидетельствовало о высокой культуре завоевателей, которые еще сами не цивилизовались. Правда, с началом массовой миграции из Европейской России демографическая ситуация в Сибири изменилась: русские стали значительно преобладать над аборигенами, составив 82% населения региона в 1897 г.³⁴

Переселенец американского Запада одичал в борьбе с природой и аборигенами, но сохранил основы западной цивилизации, что помогло ему сравнительно быстро освоить новый континент. Более того, в процессе колонизации он выработал собственный образ жизни и культуру, превратившись в американца, как описал Тернер. Но историк придавал слишком большое значение влиянию среды

... что именно колонизация Запада сыграла важнейшую роль в развитии общества и демократии в США. «Американская демократия», заявил он, – не была привезена на борту “Сары Констант” и “Вирджинию” и “Мэйфлауэр” в Плимут. Она вышла из американского сердца»³⁵.

Однако природная среда оказалась вторичной для американской колонизации, поскольку английские переселенцы приехали в Новый Свет с уже сформированным сознанием раннебуржуазной Западной Европы. Пуританские пилигримы еще на корабле “Мэйфлауэр” договорились об основах будущего общества. Американская среда лишь доформила сознание европейца; американец, заметил В. Шлеингер-старший, является “продуктом взаимодействия наследия Старого Света и условий Нового”³⁶. Очевидно, что демократия в США не могла “выйти из леса”. Освоение Запада лишь развило традиции самоуправления, самоорганизации, свойственные американскому обществу, поэтому его называют “походной лабораторией политического опыта”³⁷, и, добавим, демократического. Переселенцы воспроизводили на новых землях привычный порядок.

Запад осваивали не одиночки, но целые сообщества. Американская переселенческая община – это свободная кооперация независимых людей. Прежде чем отправиться в дальний путь, занимавший около пяти месяцев, люди собирались в Сент-Луисе или Индепенденсе, штат Миссури, в большие экспедиции, причем ехали осознанно, после длительных сборов, заранее договариваясь с проводниками. Члены сообщества выбирали руководителей, принимали устав или конституцию, беря обычно за образец конституцию федеральную или штатов. Первое из правил Орегонской переселенческой компании, которая отправилась в 1843 г., гласило: “Каждого мужчину в возрасте 16 и более лет следует рассматривать как законного участника голосования по всем делам, касающимся компании”³⁸. В других говорилось о порядке избрания совета из девяти членов для разрешения всех конфликтов, а также капитана для военного руководства и поддержания порядка.

В переселенческой общине царил жесткая дисциплина. Преступников судили судом присяжных, приговор тут же исполнялся. Переселенцы оказались в ситуации постоянного поиска юридических форм, адекватных реальной ситуации, приобретая бесценный опыт, сделавший американцев социально активной нацией. Переселенческая община, самоуправляемая и самоорганизованная, основанная на приоритете закона и прав человека, была микрокосмом самого американского гражданского общества.

Русские переселенцы также ехали чаще общиной, чем в одиночку. Сначала деревня посылала ходоков в Сибирь, чтобы выбрать место, укрепиться. Но это была качественно другая община. Амери-

канская община – временная ассоциация независимых людей. Ее цель – реализация личных интересов *каждого*, поэтому люди свободно переходили из одного сообщества в другое, когда их пути расходились. Русская община – устойчивая, замкнутая структура. Главной ее особенностью не *каждый*, отдельный человек, а *целое* – сама община, коллектив, живший по принципу “один за всех и все за одного”. Она – часть традиционного общества с архаичной демократией, основанной на обычном праве, равенстве всех членов, единодушии в принятии решения, взаимопомощи и опеке над слабыми и больными, поскольку ее цель – выжить в неблагоприятных для человека условиях.

Американские мигранты передвигались в фургонах, запряженных обычно шестеркой быков. Фургон, ставший символом освоения Запада, был настоящим домом, укрывая в дальней дороге от дождя и снега, от стрел индейцев. Русские переселенцы тоже проделывали свой нелегкий путь целыми караванами повозок в сто и более семей. Останавливались под открытым небом, питались подаваемыми Н.Н. Златовратский в романе “Устой” описал табор из полусотни семей бедных переселенцев: вместо шатров и палаток на вздернутых оглоблях – рогожа от солнца и дождя. Никто из крестьян табором не знал пути. Вел их старый солдат. “Мы за солдатом... Он нас ведет... Был он там, говорит...”³⁹

В сибирских поселениях Г. Успенский почувствовал “что-то новое, незнакомое”, что не мог сначала определить, “не говоря о достатке, который виден в этих просторных постройках сел и деревень, где не было ни одной соломенной крыши...” Потом, наконец, догадался: “Ни в барском доме! ... есть человек, проживший на своем веку без малейшей прикосновенности к барскому дому: когда мы, обыватели Европейской России, видели такого крестьянина?”⁴⁰ Отсюда независимость и самостоятельность сибиряка. “Сибирский крестьянин чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол и совершенно непринужденно будет пить чай”⁴¹.

Крестьянина Сибири часто сравнивали с американским фермером. Он не знал крепостного права, гнета помещиков, свободно распоряжался землей, которая передавалась по наследству, отличался независимостью и материальным достатком. Сибиряка порицали даже критиковали за расчетливость, склонность к материальной выживе и индивидуализм. Борьба с природой выработала в нем, как и в американском поселенце, сметку, находчивость, дух предприимчивости. Сибирского крестьянина сближает с фермером Запада и хватный способ приобретения земли, возможный только при обилии свободных земель и слабости власти, что было свойственно обоим регионам. Он, как и американский скваттер, сам выбирал и расчищал для себя понравившийся участок. “Все односельцы, – отми-

и П. И. Семенов-Тянь-Шанский, – с уважением относились к его правам на росчисти, и... никто не оспаривал этих прав”⁴².

Структура сибирского крестьянства также напоминала структуру американского фермерства преобладанием среднего слоя, а не помещиков, что было свойственно крестьянству Европейской России. В Томской губернии первой трети XIX в. середняки составляли большинство всего крестьянства, бедняки – 30%, зажиточные – 20%⁴³. Так и в первой половине XIX в. в Сибири были крупные предприниматели из крестьян. Декабрист барон Розен сообщает, что среди помещиков забайкальского Тарбагатая несколько хозяев нажили до 100 тыс. рублей подрядами и доставками хлеба, торговлей с китайцами. Другой декабрист, Н. В. Басаргин, писал И. И. Пущину из Иркутска в 1842 г.: “Вы не поверите, как здесь богата округа, есть более сотни человек крестьян, которые имеют до 400 тыс. капитала”⁴⁴.

И все-таки между сибиряком и американским фермером существовали серьезные различия. Крестьянин-сибиряк никогда не видел земли в частной собственности – почти вся земля Азиатской России принадлежала государству. Крестьяне не отличали владение землей от частной собственности на землю и были сторонниками трудового права: кто работает на земле, тот ею и владеет. Крестьянское обычное право в этом расходилось с государственным, поддерживавшим право частной собственности. Захватное землепользование Сибири – следствие неразвитости самого института частной собственности. Крестьяне считали земельные участки своими – своими, поскольку пользовались правом наследственного владения ими. П. Столыпин увидел в порядках землепользования региона черты “первобытной формы земельного владения”, полагая, что там сохранился “своеобразный архаический строй”⁴⁵.

В США право частной собственности, священное и неприкосновенное, действовало с колониальных времен. В условиях “границы” при слабости власти переселенцы, захватив землю, рассматривали ее как свою собственность и стремились защитить, для чего создавали ячейочные клубы.

Сибиряки, как и крестьяне Европейской России, жили общиной, хотя сибирская община отличалась от европейской: в ней не было земельного передела между членами, пока земли было в избытке; существовало наследственное владение семей пахотными участками. Правда, по мере сокращения свободных земель захватное землепользование заменялось уравнительной подушной системой. Сибирская община сохраняла также круговую поруку и уравнительный принцип в податях и повинностях. Переселенцы предпочитали общинную жизнь в одиночку, поскольку общиной легче было устроиться и выжить на новом месте, она также выступала в качестве юридиче-

ского лица, защищая в случае конфликтов с другими деревнями государство. Однако сохранение общины – следствие прежде всего традиционного, коллективистского сознания россиянина.

Сибирские крестьяне, в отличие от американских фермеров, были бесправны, зависели от государства, чиновников. Они страдали от бесконечных податей и поборов (подушных, оброчных, земных и пр.), штрафов и недоимок. “Крестьянин, – писал экономист и социолог В.В. Берви-Флеровский, сосланный в Сибирь в 1864 г. ...теперь употребляет тридцать пудов хлеба в год со своим семейством и продает на уплату сборов сто семьдесят пудов. ...Русский крестьянин привык смотреть на себя как на последнего из смертных человеку, которого публично секут розгами, может ли быть стыдно, если он одет скверно, если у него хозяйство в беспорядке...”⁴⁶

Не менее важное обстоятельство – низкий уровень образования. По переписи 1897 г. грамотные составляли в Сибири 12,3% населения, вдвое ниже, чем в Европейской России⁴⁷. Только в 1888 г. в Сибири открылся первый университет – в Томске. На Западе их число быстро росло, в одной Калифорнии появилось более 10 колледжей и университетов. По грамотности Запад даже опережал к началу XX в. всю страну – 93,7% населения⁴⁸.

Сибирский крестьянин был все-таки ближе русскому крестьянину Европейской России, чем американскому фермеру. Примером различия сибиряка и американца Запада служит их борьба с преступностью.

Для общества “границы” характерна слабость, а порой даже отсутствие местной власти, отсюда как большая свобода жителей, так и большая преступность. На американском Западе слабость власти воспитывала социальную активность граждан, ибо заставляла переселенцев самим устанавливать порядок и законность; в Сибири она приводила к произволу чиновников и губернаторов, превратившихся в местных царьков. Таким был уже первый губернатор Сибири князь М.П. Гагарин, казненный Петром I. Декабрист В.И. Штейнгель назвал правителей региона “сибирскими сатрапами”. В центр постоянно шли жалобы на злоупотребления чиновников, за что Екатерина II обозвала сибиряков “ябедниками”.

Насилие на “границе” объясняется борьбой человека с природой, аборигенами, друг с другом. Немаловажное обстоятельство – состав населения, в котором было много авантюристов, уголовников, к тому же в нем преобладали молодые неженатые мужчины, что способствовало повышенной агрессивности. В Калифорнии в районах приисков они составляли 92,5% в 1850, на сибирских приисках на Лене – 81%⁴⁹.

Для обоих регионов характерна фигура бродяги, хотя они были разными социальными типами: в Сибири это беглый – ссыльный

и каторжник (их называли “косачами” на Урале, “горбачами”, или “горбунами”, в Сибири, так как они носили котомку за плечами), в Америке – независимый одиночка, иногда с уголовным прошлым, в России пристанища, или вечный скиталец по духу, чьими историями переполнены американские вестерны.

Большинство сосланных в Сибирь бежало, зачастую погибая в пути. Именно беглые составляли главный источник преступности и насилия. Они промышляли грабежом и убийством, а порой из беглых каторжан и ссыльных создавались даже целые таежные села. Село Витимское (или Витим) прославилось на всю Сибирь как дикий приют. Рабочих приисков встречали радушно, а затем спаивали, грабили и даже убивали, сбрасывая в быструю Лену. В Витиме была гостиница Акатан с подземным ходом на реку. «У нас, – сообщал корреспондент газеты “Сибирская жизнь” из Мариинска, – не проходит дня, чтобы где-нибудь на постоялом дворе, или на улицах не случилось кражи»⁵⁰. Сибирь превосходила по преступности другие районы России, причем более половины преступлений совершали ссыльные. На первом месте среди преступлений после бродяжничества было убийство, а не кража, как в Европейской России. Значительная часть преступлений отличались зверством и грубостью⁵¹. Если у россиян среди преступлений чаще встречалось насилие над личностью, то у американцев – воровство, мошенничество, махинации на акциях, документах, завещаниях. Одним из важных промыслов было конокрадство. За него безжалостно вешали на Западе, а в Сибири знаменитые конокрады, как отмечал В.В. Берви-Флеровский, “пользуются значительным состоянием и никогда не сидят в тюрьме”⁵².

О насилии в обоих регионах известно много, меньше – о сопротивлении ему. При слабости власти оно часто превращалось в самоуправство, хотя его формы различались. Крестьянская община Сибири жестоко расправлялась с ворами. За вором гнались десятки верст. Его били дрючками – дубинами в руку толщиной, а иногда в сажень длиной; иногда били по пяткам, по-китайски, “подковывали” до покусерти. Расправа происходила на виду всей деревни, нередко выносился смертный приговор. Если хозяин догонял вора, то убивал. Деревня убийцу не выдавала. Крестьяне разработали также свои законы для бродяг: не ходить толпами, не разорять построек, не иметь при себе оружия, нож – не более двух вершков. Бродяги выполняли их, думая, что это официальные законы⁵³.

Самосуд в Сибири подменял собой власть, так как ее сторонники и не хотели к ней обращаться. Государство оставило за крестьянами решение их собственных дел внутри общины, поэтому они жили обособленно, своим миром. Крестьянский самосуд часто переходил в расправу, не признающую разумных доводов власть толпы, которую Мамин-Сибиряк назвал “одним из самых необъяснимых

проявлений специально деревенской жестокости, бессмысленной и зверской, как всякое стихийное зло”⁵⁴. Писатель показал такую правду в рассказе “Летные”: во время пожара крестьяне пришли к виновника несчастья беглого и тут же бросили его в костер.

Сибиряки находились в постоянной “блокаде” со стороны бродяг, поэтому в крестьянском обычном праве появилась особая форма борьбы с ними – “охота за горбунами”. Социолог и этнограф И. Прыжов, отбывавший в 1870-е годы каторгу и ссылку по делу Нечаева в Забайкалье, писал о ней как о жестокой расправе над бродягами, которых попросту отстреливали, как зверей, не выясняя, виноваты они или нет. Государство поощряло ловлю бродяг, платя за каждого три рубля. Некий Грудинкин за поимку ста беглых получил даже золотую медаль⁵⁵. “Охота за горбунами” велась отчасти из-за воровства, порой “охотились” за рабочими с приисков, переленцами, тоже носившими мешок за плечами.

Американцы тоже прибегали к самосуду, но не в обход власти, а при ее отсутствии или слабости, стараясь укрепить закон и порядок. На Западе самосуд принял форму виджилантизма. Первые комитеты бдительности (*vigilance committies*) появились в лагерях старателей в горах Сьерра-Невада в Калифорнии, куда с открытием золота нахлынуло множество авантюристов и уголовников. У американских поселенцев не было сильной власти и системы правосудия: судов, тюрем, полицейских, так как Калифорния принадлежала Мексике (она стала штатом США в 1850 г.), поэтому старателям пришлось самим бороться с грабежом и насилием. Созданные комитеты бдительности ловили преступников и вершили правосудие. Чаще всего это делалось с соблюдением норм законности, знакомых пионерам с детства: созывался суд присяжных, он рассматривал дело и выносил решение. Иногда в его принятии участвовало все население поселка. “Народная юриспруденция” была жестокой за убийство, кражу лошади, самой большой ценности пионеров, смерть (виселица), за мелкие преступления – порка, изгнание. Приговор тут же приводился в исполнение. Меры действовали превосходно. Мать философа Дж. Ройса, приехавшая в 1849 г. с семьей в Калифорнию, вспоминала, что после того как повесили трех воров-грабежи прекратились, старатели могли оставлять добытое золото даже у дороги, не боясь кражи⁵⁶.

М. Твен рассказал о судьбе своего случайного знакомого Слейда, встретившегося ему во время путешествия на Запад, и привел выдержку из книги Т.Дж. Димсдейла “Виджиланты Монтаны” о его последних днях. Горожане Вирджиния-сити в штате Невада устали от безобразий банды головорезов с главарем Слейдом, который на лошади пьяный врвался в лавки, громил их, оскорблял присутствующих и, наконец, взял в заложники судью, угрожая ему пистолетом

дело вступил комитет бдительности, постановивший его арестовать. Акцию провели невадские рудокопы. Шестьсот человек, вооруженных до зубов, построившись в колонны, вошли в город, арестовали и тут же повесили Слейда, несмотря на мольбы о помиловании⁵⁷.

Корни виджилантизма уходят к движениями регуляторов (slickers, regulators) второй половины XVIII в., когда в условиях жизни на "границе" люди сами брали власть в свои руки, устанавливая порядок и законность и жестоко расправляясь с уголовниками. Во время войны за независимость в Вирджинии борьбу с нарушителями закона возглавил полковник Чарльз Линч, чье имя с той поры стало нарицательным, обозначая самосуд в Америке. В честь него, кстати, назван один из городов штата – Линчбург. Если на востоке страны виджилантизм возник вместе с "границей" к 60-м годам, то на Западе с освоением территории именно в эту пору он начался, приняв наиболее массовый характер: за 1849–1902 гг. – 210 движений (больше всего в Техасе и Калифорнии)⁵⁸.

Виджилантизм часто был конструктивным движением и способствовал социальной стабильности. Наиболее ярким примером стали события в Сан-Франциско 50-х годов, времени "золотой лихорадки". В 1851 г. через восемь месяцев после избрания органов самоуправления они полностью разложились: все посты заняли уголовники, полиция была связана с ними, а городская казна разграблена. Частые преступления оставались безнаказанными. После очередного ареста полиция поймала двух австралийцев, выходцев из каторжной колонии. Но горожане, не надеясь на местное правосудие, организовали комитет бдительности. В конституции, принятой им 9 июня 1851 г., говорилось о том, что нижеподписавшиеся граждане объединяются в ассоциацию для поддержания мира и доброго порядка в обществе и сохранения жизни и собственности граждан Сан-Франциско⁵⁹. Исполнительный комитет, взявший на себя роль суда, немедленно вынес обвинительный приговор одному из воров. Затем были проведены новые выборы мэра, прокурора, судебного пристава, после чего комитет принял решение о самороспуске. Правда, вскоре из-за постоянных поджогов появился второй комитет, выросший до 700 чел., который также начал со смертного приговора, приведенного тут же на площади в исполнение, а затем арестовал еще 90 человек по подозрению в поджогах, грабежах, убийствах. В результате трое были повешены, один выпорот, 15 высланы, остальные освобождены или переданы обычному суду⁶⁰.

В 1856 г. история повторилась. И снова комитет бдительности очистил город от уголовников. На этот раз губернатор Калифорнии обратился за военной помощью к президенту Ф. Пирсу, но тот отказал, поддержав тем самым комитет.

Американские виджиланты обычно заменяли отсутствующие или недобросовестные органы правосудия, распускаясь при издании, что свидетельствует об обществе с гражданским сознанием и социальной активностью членов, всегда готовых защищать права и свободы и способных к самоорганизации. Однако у виджилантизма есть и другая, деструктивная сторона. Он легко перерастал в жестокий самосуд разъяренной толпы и становился социальным опасным. Англичанин Р. Уильямс, живший в 60-е годы в Техасе, вспоминал о “безжалостных убийствах” “всевластных” комитетов бдительности. “Никто не смел вмешиваться в их страшные решения”. Безвинного молодого человека, несмотря на все его протесты повесили, обвинив в воровстве лошади, которую тот на самом деле купил у мексиканца⁶¹.

Виджиланты порой даже вступали в борьбу с государственными органами правосудия, стремясь подменить их и становясь той разрушительной антисоциальной силой, что особенно характерно для послевоенного неовиджилантизма. Если до Гражданской войны он был по преимуществу сельским и направлен в основном против воров, то после нее – городским, обращенным против нестрогих католиков, евреев, иммигрантов, политических радикалов, при этом консервативный, даже реакционный характер (Ку-клукс-клан, суды Линча на Юге, рейды против красных в 20-е годы XX в. маккартизм)⁶².

Несмотря на порой отрицательные последствия самосуда, американские пионеры действовали как представители гражданского общества, отстаивая права и свободы человека и пользуясь уже накопленным опытом своей страны (законность, суд присяжных). Русские поселенцы Сибири жили еще в системе архаического крестьянского права, свойственного традиционному обществу. Этого “архаичного” характера общества Сибири опасался П.А. Столыпин, настаивая на решении “срочно-настоятельных” вопросов регионов. “Иначе, – предупреждал он в письме к императору Николаю II от 26 сентября 1910 г., – бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую”⁶³. Только такая демократия могла выйти из сибирской тайги.

Одно из главных отличий двух колонизаций состоит в роли государства. В России именно оно было инициатором и проводником освоения новых земель, тогда как в США его осуществляли независимые частные лица. Правда, Запад стал единственным регионом Америки, освоению которого активно содействовало федеральное правительство. Но формы участия государства отличались.

До конца XIX в. российское правительство запрещало свободное переселение в Сибирь, используя ее как поставщика сырья и м

пункты, а ссыльные никогда не были колонизирующим элементом Сибири. Между тем еще в 1821 г. сибирский генерал-губернатор М. Сперанский писал в докладной записке о выгоде добровольно-переселения крестьян в Сибирь, что содействовало бы освоению целины, улучшению материального положения крестьян. В результате по указу 1822 г. началось переселение государственных крестьян, составивших на душу менее пяти десятин. Лишь в 80-е годы XIX в. переселение было признано “полезным для государства”, а в 1896 г. создано Переселенческое управление, выделены деньги на землеустроительные, землеотводные и мелиоративные работы, посланы специалисты (статистики, экономисты) для изучения проблемы переселения, проведения почвенных исследований.

Переселенческую политику российского правительства можно назвать “попечительской”. Государство предоставляло переселенцам различные льготы (отсрочку от воинской повинности, от налога, сниженный тариф на железную дорогу), ссуды (для переселенцев обустройства на новом месте, покупки лошади), само отводило участки земли. По месту следования крестьян действовали переселенческие пункты, где можно было переночевать, получить помощь в сложной ситуации, о чем рассказал в своих очерках Г. Успенский.

Только в начале XX в. правительство перешло от ограничений в политике свободного переселения крестьян, давно существовавшей в США. Закон от 6 июня 1904 г. предоставлял всем желающим право на миграцию, независимо от имущественного положения. Однако традиционное “попечительство” государства сохранилось, еще расширился круг льгот и ссуд новоселам (путевые пособия, материальная и продовольственная помощь, снижение тарифа на железную дорогу, ссуда на обзаведение хозяйством и т.д.). Хотя не все эти меры достигали результатов: деньги часто не доходили до вынужденных; переселенцы порой ехали в вагонах для скота, жили в тяжелых условиях в переселенческих бараках, умирали в дороге или в первые годы обустройства.

В Америке потоки переселенцев регулировались не патерналистскими льготами и пособиями, но земельной политикой, ставшей главной в колонизационной деятельности государства. Законом о гомстедах 1862 г. правительство США официально признало стихийный захват земель частными лицами – скваттерство. По нему любой желающий, заплатив 10 долл. налога, получал земельный участок в 160 акров, который после пяти лет обработки становился его частной собственностью. Было роздано 285 млн акров земли, более 700 млн акров продано⁶⁴. Либеральный путь колонизации, избранный в США под давлением фермеров, оказался наиболее эффективным: он ускорил освоение Запада и способствовал притоку иммигрантов в страну.

Другая форма земельной политики – бесплатная раздача земли на строительство железных дорог (закон Моррилла 1862 г.), означавшая их скрытое финансирование, что стимулировало развитие дорог и содействовало освоению новых районов. Компании, строившие первую трансконтинентальную железную дорогу (Union Pacific and Central Pacific), получили 45 млн акров земли⁶⁵. Активную рекламную кампанию по привлечению иммигрантов проводили штаты и территории Запада, заинтересованные в притоке населения. Они создавали иммигрантские бюро на востоке и в Европе по вербовке переселенцев.

Американское правительство участвовало также в создании ирригационной системы на Западе, помогая решить главную проблему региона. В 1888 г. было организовано управление по ирригации, выделены деньги для исследования засушливых районов. Поскольку в девяти засушливых штатах Запада в среднем 84% земли принадлежало государству, федеральное правительство выделило в порядке эксперимента в 1894 г. каждому засушливому штату 1 млн акров федеральных земель для ирригации и продажи фермерам (закон Кэри). В 1902 г. была принята национальная программа мелиорации, предусматривавшая строительство целого ряда плотин (закон о национальной мелиорации, или акт Ньюлендса). Впрочем, ведущая роль в создании системы ирригации, как всегда, принадлежала индивидуальной деятельности граждан.

Если усилия правительства США в освоении Запада были направлены на поощрение и развитие частной инициативы граждан, то патернализм российского правительства, напротив, глушил ее. Раздаваемая им земля осталась государственной собственностью. Проект закона о переходе земли в Сибири в личную собственность крестьян, разработанный в 1909 г. по инициативе П.А. Столыпина, так и не был принят. Хотя сибиряки в ту пору интересовались американским опытом свободной раздачи земли. Они обсуждали преимущества гомстедной системы, предлагая даже провести эксперимент по ее внедрению в одном уезде или округе области, а также политику в области ирригации⁶⁶.

Каковы же итоги колонизации двух стран? “Американская бескрайность, – писал Ф. Бродель, – ... играла разные роли, говорила на разных языках. Она была тормозом, и она же была стимулятором с ограничением, но также и освободительницей”⁶⁷. Многозначность колонизации была свойственна и России. Но если в Америке пространства все-таки содействовали развитию и процветанию страны, то в России скорее тормозили. Американцы победили пространства Запада, цивилизовав их. В 1890 г. 11-й ценз объявил, что фонда общественных, или свободных, земель, созданного после войны за независимость (из него государство наделяло фермеров землей и

ному (в томстедах), в США больше не существует. Главный итог колонизации для Соединенных Штатов – создание новой нации. Она не только сравнялась по социально-экономическому развитию с другими районами, но после Второй мировой войны постепенно превращается в лидера страны. Сейчас Калифорния и Техас занимают первое и второе место среди штатов по численности населения⁶⁸. Два из 11 послевоенных президентов США – родом с Запада. Черты культуры Запада становятся национальными (джинсы, ковбойки, ковбои в одежде, вестерны – в кино). Но есть и обратная сторона колонизации Запада: она принесла американскому континенту невосполнимые потери – истребление местного населения, уничтожение окружающей среды. Об этих тяжелых последствиях в последние десятилетия много пишут представители “новой истории Запада”, стремящиеся переосмыслить роль колонизации⁶⁹.

Американцы победили пространства, россияне побеждены ими, об этом еще в начале XX в. писал Н. Бердяев. “Огромные пространства четко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств...” Философ указал и на причину: “Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу, русская государственность боялась самостоятельности и активности русского народа – она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России... Он должен, наконец, освободиться от власти пространства и сам овладеть пространствами... Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господством его”⁷⁰.

Прошло почти сто лет после оценки Бердяева, но проблема так же актуальна для России. Сибирь не освоена до сих пор, оставаясь преимущественно поставщиком сырья. Президент В. Путин, как столетие назад П. Столыпин, заявил о “недостаточных трудовых ресурсах” региона. За последние 10 лет население Сибирского округа уменьшилось ежегодно в среднем на 100 тыс. человек. Большинство сибирских территорий – дотационные, а доходы населения на 20% ниже, чем в среднем по России. Уровень преступности остается высоким, причем в ее структуре преобладают тяжкие и особо тяжкие преступления⁷¹. В то же время Сибирь по-прежнему – главный источник богатства России.

Сравнение колонизации Сибири и американского Запада позволяет сделать вывод об их радикальном различии. Российская колонизация, – экстенсивная, проводимая государством, – представляла движение вширь без качественного преобразования пространства. Она замедлила модернизацию России. В отличие от русской, интенсивная американская колонизация стимулировала экономические и социальные достижения США.

- ¹ *Ключевский В.О.* Соч.: в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 31.
- ² *Turner F.D.* The Significance of the Frontier in American History // *The Frontier in American History*. N.Y., 1920. P. 1.
- ³ *The Frontier in Perspective* / Ed. W.D. Wyman, C.B. Kroeber. Madison, 1955; *Allen H.C.* Bush and Backwoods: A Comparison of the Frontier in Australia and the United States. East Lansing (Mich.), 1959; *Lamar H., Thompson I.* Frontier in History: North America and South Africa Compared. New York, 1981; *Lobanov-Rostovsky A.* Russian Expansion in the Far East in the Light of Turner Hypothesis // *The Frontier in Perspective*. P. 79–94; *Treadgold D.W.* Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26, N 4. P. 147–152.
- ⁴ *Treadgold D.W.* Op. cit. P. 147–152; *Lobanov-Rostovsky A.* Op. cit. P. 79–94.
- ⁵ *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911. С. 1–2.
- ⁶ *Voshchinin V.P.* History, Present Policies, and Organization of Internal Colonization in the USSR // *Pioneer Settlement*. American Geographical Society, N.Y., 1932. P. 261.
- ⁷ *Кабузан В.М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917) // *История СССР*. 1979. № 3. С. 25; *12th Census of the United States*. Wash., 1901. Vol. 1: Population. Pt. 1. XXII–XXIII.
- ⁸ *Fite G.C.* The Farmers' Frontier, 1865–1900. N.Y., 1966. P. 106.
- ⁹ *The West of the American People* / Ed. A. Bogue and others. Itasca (Ill), 1910. P. 360.
- ¹⁰ *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. М., 1949. С. 136–137.
- ¹¹ *Kenan G.* Siberia and the Exile System. N.Y., 1891. Vol. 2. P. 313–314.
- ¹² *Ibid.* P. 315, 317–318.
- ¹³ *Ядринцев Н.* Сибирь как колония // *Н. Ядринцев. Сочинения*. Тюмень, 2000. [1-е изд. 1882]. Т. 1. С. 243–244.
- ¹⁴ *Шарапов И.П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949. С. 79, 86, 98.
- ¹⁵ *12th Census of the United States*. Wash., 1902. Vol. 5: Agriculture. Pt. I. P. 688, 703.
- ¹⁶ *Paul R.W.* The Far West and the Great Plains in Transition, 1859–1900. N.Y., 1988. P. 227.
- ¹⁷ *Fite G.C.* Op. cit. P. 170.
- ¹⁸ *Твен М.* Налегке // *Собр. соч.* в 12 т. М., 1959. Т. 2. С. 20.
- ¹⁹ См.: об этом: *Worster D.* Rivers of Empire: Water, Aridity, and the Growth of the American West. N.Y.: Pantheon Books, 1985.
- ²⁰ *12th Census of the United States*. Vol. 5: Agriculture. Pt. I. P. 688, 703.
- ²¹ *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 493.
- ²² *Земельные порядки за Уралом // Азиатская Россия*. СПб. 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. С. 575.
- ²³ *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 46, 73; *Покишишевский В.И.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 190
- ²⁴ *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁵ *Ядринцев Н.* Указ. соч. С. 260.
- ²⁶ *Сибирь под влиянием рельсового пути*. СПб., 1902. С. 22.

- Грибов А. Постигание истории. М., 1991. С. 388.
- Литературная история США. М., 1978. Т. 2. С. 427.
- Грегг F. D. Op. cit. P. 4.
- Григоренко В.Г. Сон Макара // Собр. соч. в 8 т. М., 1953. Т. 1. С. 6.
- Григорьев В.К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии // Азиатская Россия. Т. 1. С. 185–187.
- Григорьев Н. Сибирские инородцы // Соч. С. 199–201.
- Григорьевский Г.И. Поездки к переселенцам // Г.И. Успенский. Собр. соч. М., 1957. Т. 8. С. 295.
- Григорьевский Н.В. Население Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. С. 185–187.
- Грегг F. The West and American Ideals // The Frontier in American History. P. 104.
- Halesinger A.M. What Then is the American, This New Man? Presidential Address to the American Historical Association, 1942 // American Historical Review. 1943. Vol. 48, N 2. P. 227.
- Стойун И. Достойные моих гор: открытие Дальнего Запада, 1840–1900. М., 1991. С. 193.
- Letters of Peter H. Burnett // The American Frontier. Readings and Documents / Ed. R.V. Hine, E.R. Bingham. Boston, 1972. P. 156.
- Лавроватский Н.Н. Устои. История одной деревни. М., 1951. С. 435.
- Успенский Г.И. Указ. соч. С. 274.
- Григорьев Н.С. Сибирь как колония. С. 75.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. С. 71.
- Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1. С. 211.
- Голос А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 253; Письмо Н.В. Барановича И.И. Пуцину, март 1842 // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983. Вып. 3. С. 182.
- Столтыпин П.А., Кривошеин А.В. Указ. соч. С. 55, 57.
- Герви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России // Избр. экономические произведения в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 86.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Общий вывод. СПб., 1905. Т. 1. С. 39.
- 1st Census of the United States. Wash., 1902. Vol. 2: Population. Pt. 2. P.C.
- Гант R.W. California Gold. The Beginning of Mining in the Far West. Cambridge, 1947. P. 82; Шаранов И.П. Указ. соч. С. 94.
- Шаранов И.П. Указ. соч. С. 146–147; Сибирская жизнь. 1881. 5 апреля.
- Григорьев Н. Сибирь как колония. С. 205–209; Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии // Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. Красноярск, 1889. С. 47.
- Герви-Флеровский В.В. Указ. соч. С. 46.
- Григорьев Н.С. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 494–495.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. “Летные” // Собр. соч. в 8 т. М., 1955. Т. 4. С. 265.
- Прыжов И. Охота на бродяг // И. Прыжов. 26 московских пророков, юродливых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. М.; СПб., 1996. С. 188.
- Royle S. A Frontier Lady: Recollections of the Gold Rush and Early California // The American Frontier: Readings and Documents. P. 198.

- ⁵⁷ Твен М. Указ. соч. С. 62–67.
- ⁵⁸ Brown R.M. Strain of Violence: Historical Studies of American Violence and Vigilantism. N.Y., 1975. P. 100–101.
- ⁵⁹ Bancroft H.H. Popular Tribunals // The Works. San Francisco, 1887. Vol. 1. P. 211.
- ⁶⁰ Стоун И. Указ. соч. С. 217–220.
- ⁶¹ Williams R.H. With the Border Ruffians: Memories of the Far West, 1852–1860. Lincoln; L., 1982. P. 155, 182.
- ⁶² Brown R.M. Op. cit. P. 115, 127.
- ⁶³ Столыпин П.А. Письмо императору Николаю II 26 сентября 1906 г. Красный архив. 1928. Т. 30. С.83.
- ⁶⁴ Hine R.V., Faragher J.M. The American West. New Haven; L., 2000. P. 334.
- ⁶⁵ Roske R.J. Everyman's Eden. A History of California. N.Y.; L., 1968. P. 366.
- ⁶⁶ Коль А. Американская гомстедная система наделения переселенцев землей как средство успешной колонизации и экономического развития русских окраин // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 5; Скорняков Е. Пустынные окраины России и американский закон Кэри // Там же. С. 82–121.
- ⁶⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3: Время мира. С. 400.
- ⁶⁸ US. Bureau of the Census. National and State Population Estimates: 1990–1994. Wash., 1995. P. 1.
- ⁶⁹ Limerick P.N. Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. N.Y., 1987; Макмертри Л. Покорение Запада: Ретроспекция // Дневник США. 1991. № 48. С. 34–39.
- ⁷⁰ Бердяев Н. О власти пространств над русской душой // Судьба России. М. 1990 [репр. 1918]. С. 62, 66.
- ⁷¹ Путин В.В. Выступление на заседании Совета безопасности РФ по проблемам Сибирского федерального округа (21 июня 2003) // Сайт президента РФ (<http://president.kremlin.ru>).